

Проблемы русско-таджикских отношений авторы, как обычно, рассматривают, опираясь на официальные статистические документы и на устную историю, циркулировавшую как в таджикской, так и в русской среде. Опубликованные цифры свидетельствуют о значительном оттоке славянского, немецкого, еврейского населения из Таджикистана в начале 90-х гг., с их помощью фиксируется его начало, кульминация, волны «частичного возврата» и т.п. Интересны и добытые во время этнографического опроса рассказы о реальных, наблюдаемых действиях (например, о внеэтнических объединениях мужчин в Душанбе для защиты своих подъездов и дворов от набегов бандитов), а также примеры мгновенно возникавших и охватывавших население слухов, проявлений устойчивых общественных предрассудков и этнических стереотипов. Эти материалы не столько уточняют намеченные статистикой тенденции, сколько создают более объемную картину действительности, передают неповторимую психологическую атмосферу неразберихи в умах и чувствах людей.

Второй раздел занимает две трети объема книги и включает перепечатку официальных документов и свидетельств, относящихся к событиям 1989–1994 гг. (публикации важнейших законов, постановлений правительства, проектов, деклараций, партийных программ и выступлений политиков разных ориентаций в СМИ). Особенно ценны материалы из местной прессы и отдельные рукописные документы, переведенные с таджикского.

Цель, поставленная авторами – выявить спектр мнений участников событий по основным спорным вопросам – безусловно, достигнута; выбор документов можно считать удачным еще и потому, что развернутая в начале книги панорама событий во втором разделе дополнена и детализирована (жаль только, что в тексте I раздела отсутствуют указания на соответствующие описываемому моменту документы из II раздела, что явно помогло бы читателю). Иными словами, все представленные документальные свидетельства, несомненно, обладают источниковедческой ценностью и именно поэтому настоятельно требуют комментариев. Здесь же хочется посоветовать на отсутствие информации о реакции различных групп на тот или иной опубликованный закон или публично высказанную идею, наблюдения над воздействием провозглашавшихся призывов на реальные прослойки населения и т.п., другими словами, создание как бы неофициального контекста вокруг изучаемых событий и документов, что немаловажно для их правильного истолкования. Такой информацией, безусловно, владеют авторы книги, часто посещавшие Таджикистан и тесно общавшиеся с разными людьми. Отметим также, что очень ценен и помещенный в книге именной указатель, помогающий читателю ориентироваться в калейдоскопе малознакомых фамилий.

Среди лиц, активно обсуждающих текущие политические процессы в СНГ, голоса историков слышны все еще редко, хотя уже стало очевидным, что как раз их профессиональные знания могут не только помочь устранить ошибки, допущенные неспециалистами, но иногда и нестандартно осветить сложившуюся ситуацию. Ценность книги В.И. Бушкова и Д.В. Микульского мне видится именно в этом особом видении – этнографа и историка.

Примечания

¹ Основные идеи концепции изложены авторами в предшествующей работе. (См.: Бушков В.И., Микульский Д.В. Таджикиское общество на рубеже тысячелетий. М., 1992).

² Замечу, кстати, что введение в подобные тексты малоупотребляемых и неустоявшихся по значению понятий и терминов без их специального определения не вполне корректно и, главное, препятствует адекватному истолкованию авторской мысли.

³ Ср. Чвырь Л.А. Таджикистан. Весна 1992 г. (комментарий этнографа к политическим событиям) // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 75–86.

Л.А. Чвырь

© 1997 г., ЭО, № 4

Т.В. Гончарова, А.К. Стеценко, Я.Г. Шемякин. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. I. М., 1995. 145 с.; Кн. II. М., 1995. 168 с.

Рецензируемая монография посвящена теме взаимодействия универсальных и локальных факторов в латиноамериканской истории, в том числе и современной; контактам различных цивилизационных и этнокультурных начал – автохтонного индейского, европейского и африканского – с присущими им системами ценностей.

Авторы исходят из признания единства человеческой истории и общечеловеческих ценностей, что, по их мнению, отнюдь не снимает проблему достижения взаимопонимания между представителями различных культур и цивилизаций. В главах монографии, посвященных отдельным участникам «межцивилизационного

контакта» в Латинской Америке, представлены различные ракурсы рассмотрения проблемы цивилизационной специфики и универсальных ценностей.

В I книге (автор Я.Г. Шемякин) рассматриваются проблемы становления универсальных ценностей, возникновения различных видов универсализма, обосновываются теоретические посыпки исследования; анализируются также роль европейского начала в межкультурном взаимодействии в регионе. Во II книге (авторы Т.В. Гончарова и А.К. Стеценко) анализируются основные «незападные» составляющие цивилизационного процесса, индейское и афроамериканские начала. Точки зрения авторов не всегда совпадают, однако здесь речь идет о различиях в рамках одного и того же научного подхода – цивилизационного, основные особенности которого охарактеризованы в книге I (гл. 1).

Отмечая, что вопрос об определении основных параметров данного научного направления до сих пор остается дискуссионным, Я.Г. Шемякин подчеркивает его коренное отличие от господствовавшего до недавнего времени в нашем обществоведении «формационного редукционизма», т.е. вульгарно-социологического, «формационно-классового» подхода к изучению общественных явлений. Предмет цивилизационного подхода, по мнению авторов, составляет исследование связи между такими характеристиками исторического процесса, как целостность, преемственность и разнообразие.

То понимание соотношения универсального и локального, которое положено в основу концепций данной монографии, во многом базируется на идеях А. Тойнби и К. Ясперса, хотя авторы отнюдь не во всем строго следуют теоретическим разработкам упомянутых мыслителей, временами вступая с ними в полемику.

В главе 1 (кн. I) последовательно рассматриваются различные стороны проблемы универсального, формирование основ системы универсальных ценностей, возникновение на Западе новых типов универсализма, становление единого комплекса ценностей модернизации.

Отмечается, что хотя универсальное в истории присутствовало изначально в виде основополагающих характеристик в организации человеческой жизни, сфера универсальных ценностей формировалась постепенно, в ходе преодоления сложных препятствий. Главным из них стал социально-психологический комплекс «они и мы», сформировавшийся в эпоху первобытности и господствовавший на протяжении десятков тысяч лет. Этот комплекс и составляет фундамент мифологического типа мышления.

Первый прорыв мифологического мировосприятия произошел в I тыс. до н.э. (К. Ясперсом эта эпоха была охарактеризована как «осевое время»). Средиземноморье, Индия и Китай стали в «осевое время» центрами новых великих цивилизаций, базирующихся на религиозно-философских системах, в которых старое родовое мифологическое начало было вытеснено идеей единого надчеловеческого совершенства, Абсолюта.

«Вторая ось», по мнению Я.Г. Шемякина, имеет один центр формирования – Западную Европу. Главным событием эпохи «второй оси» стало возникновение новой европейской науки. Именно под ее воздействием в XV–XIX вв. сформировался многоликий западный универсализм, особая система ценностей, которые, первоначально утвердившись в Европе, получили затем всемирное распространение. Эти ценности принято называть ценностями модернизации, и основополагающей из них является рациональность.

Утверждение ценности рационального подхода предполагает, что история, традиции, местные понятия и институты той или иной страны могут учитываться лишь в той мере, в какой они не противоречат задачам модернизации.

В главе 2 (кн. I) рассматривается европейская составляющая междивизиационного контакта в регионе. Подробно исследуется специфика иберийского начала. Государства Пиренейского полуострова – пограничья Европы – существенно отличались от макрообщности стран – лидеров Западной цивилизации.

В ходе взаимодействия западноиберийского и автохтонного, индейского, а позднее в ряде регионов и африканского начал, возникли такие виды связей, как симбиоз и синтез. Я.Г. Шемякин считает латиноамериканский синтез реальностью, приводя ряд примеров из области духовной культуры (художественная литература и др.). В подавляющем большинстве случаев, по его мнению, в общем направлении и характере процесса духовного синтеза доминирует иберийское начало.

Главным противоречием внутри европейского начала в Латинской Америке стало столкновение англосаксонско-протестантской и иберийско-католической ориентаций. Для пояснения сути данного конфликта Я.Г. Шемякин дает краткую характеристику англосаксонско-протестантского начала в сравнении с иберийско-католическим.

Именно существенные различия между иберийско-американским миром и ведущими центрами Западной цивилизации обусловили то обстоятельство, что попытки внедрения ценностей модернизации в жизненную ткань народов региона оказались связаны с крайне болезненной ломкой традиционных основ привычного для них мира.

Обострение всех видов противоречий как следствие развертывания модернизированного процесса ставит под вопрос стабильность общественных систем в латиноамериканских странах. Тем не менее автор считает, что универсальные ценности модернизации, в том числе и в политической сфере, постепенно утверждаются в регионе. Противодействие им продолжают оказывать не только иберийская, но и прежде всего неевропейские культурные составляющие латиноамериканского цивилизационного комплекса.

В главе 1 (кн. II) Т.В. Гончарова рассматривает основные аспекты «индейского цивилизационного присутствия» в Латинской Америке, прежде всего в странах, на территории которых до прибытия европейцев существовали высокоразвитые цивилизации (район Анд и Месоамерика). Исследуются такие моменты, как культурно-этническая самобытность индейского населения, поиски форм его этнокультурного и политического выживания и развития, изменения в общинном укладе.

В отличие от Я.Г. Шемякина автор ставит под сомнение существование культурного синтеза в странах с индейским населением, прежде всего в Андском регионе и в Гватемале. Культурно-расовый дуализм, по ее мнению, составляет для ряда стран одну из основных проблем. Вслед за многими зарубежными исследователями, а также идеологами «индейского возрождения» Т.В. Гончарова усматривает основную причину этого дуализма прежде всего в удивительной прочности древнего «цивилизационного кода», который продолжает сказываться во всех областях духовной и культурной жизни, в социальной организации индейского населения¹. Именно в плоскости сознания, традиционного менталитета лежит разница между автохтонным и пришлым населением, именно причины духовно-психологического характера затрудняют процесс модернизации и инкорпорацию индейских масс в «национальные сообщества».

При этом во главу угла ставится именно преобладание у индейцев «доосевого», мифологического сознания, общинно-эгалитарных традиций. Цивилизационный подход обусловил и порядок изложения материала, когда сначала исследуются духовно-сакральные воззрения и психологические особенности, а затем уже социально-экономические и политические реалии жизни индейского населения. Этот отход от привычного для «формационного редукционизма» примата социально-экономического над идеологическим, материального над духовным является новым в отечественной индееведике и имеет свои достоинства и недостатки. Будем надеяться, что его применение Т.В. Гончаровой послужит основой для дискуссий и дальнейших разработок проблемы «цивилизационного менталитета» индейцев, более подкрепленных конкретными фактами из социально-экономической и этнокультурной областей.

В некоторой степени недостаток исследуемого конкретно-этнологического материала обедняет и главу 2 (кн. II), посвященную проблематике африканского цивилизационного наследия в регионе. В главе рассматриваются ситуации на французских Антилах (А.К. Стеценко), в англоязычных Карибских странах (Т.В. Гончарова) и в Бразилии (А.К. Стеценко).

Собственно Карибский регион (французские Антилы и бывшие британские владения) представляют собой самостоятельную историко-культурную провинцию, по основным этнокультурным параметрам отличную как от «испанской», так и от Латинской Америки в целом (включая Бразилию). Основными этнообразующими факторами здесь явились, с одной стороны, африканское происхождение большинства населения, с другой – примат этнокультурной модели народов основных стран «фаустовой цивилизации» – Великобритания, Нидерландов и Франции, чьими владениями до недавнего времени были (а некоторые остаются и теперь) карибские территории. Именно этнокультурное влияние европейских «неиберийских» стран, кстати, отчасти охарактеризованное Я.Г. Шемякиным в книге I (гл. 2), определило в значительной степени современные культурные, социально-экономические и политические реалии Карибов. В собственном культурном плане это касается таких параметров, как язык, религиозная принадлежность (и межконфессиональная терпимость), и даже одежда, пища, особенности бытовой культуры. Ярko проявляет себя «особость» Карибского региона и в политическом плане, прежде всего в довольно длительных традициях представительной демократии западного образца.

В целом современные реалии Карибов определяются развивающимся еще с конца XVIII в. процессом креолизации – сложного взаимодействия африканских и европейских («неиберийских») культур, характеристика которого уже давалась отечественными и зарубежными этнологами, в том числе и автором данной рецензии². К сожалению, в монографии лишь вскользь отмечается этот процесс (причем без упоминания его названия), не говоря уже о его рассмотрении на низовом, общинном и семейно-бытовом уровнях, что обедняет исследование.

Исследование африканского присутствия в Карибах сводится в основном к анализу поиска «матери-Африки» местной интеллигенцией и его отражению в культурной (прежде всего художественная литература) и политической («негритюд», «национальные» модели развития) сферах. Особенно ярко подход проявляется в отношении англоязычных стран, в том числе тех из них, где имеется население индостанского происхождения. Нехватка конкретно-этнологического материала, дающего представление об изменениях в традиционных культурах населения как африканского, так и индостанского происхождения в Гайане и на Тринидаде (кстати, уже исследованного в работах А.Д. Дриздо и автора данной рецензии³), существенно обедняет исследование и ставит под сомнение некоторые выводы и заключения, прежде всего в отношении сохранения в будущем взаимной отчужденности разных этнических компонентов населения. В равной степени это касается и анализа политических реалий, где наблюдается недооценка повышения роли партийно-персоналистских факторов, самодовлеющего значения борьбы чисто политических группировок.

В целом анализ карибских реалий, в том числе местного африканского «цивилизационного начала», выглядит менее аргументированным и убедительным, нежели предшествующий анализ иберийско-американского и индейского начал.

«Африканское присутствие» в Бразилии характеризуется как на «профессионально-интеллектуальном», так и на низовом уровне, уровне народной культуры. Рассматриваются такие его аспекты, как профессиональный синкретизм, народные праздники, музыка, танцы.

Следует также отметить, что явно недостаточно характеризуется роль рабства, явившегося инструментом детрибализации и дээтнизации для выходцев из Африки и их потомков, что во многом определяет отличие афроамериканской (прежде всего Карибской) ситуации от «индейской» и собственно африканской, глубину восприятия европейской «цивилизационной составляющей».

В Заключении Я.Г. Шемякин подводит итоги исследования, выделяя типы межцивилизационного взаимодействия (противостояние, симбиоз и синтез) в Латинской Америке. Здесь автор менее категоричен в констатации реальности синтеза, чем в книге I (гл. 2), им подчеркиваются незавершенность этого процесса, его «неполнота и ущербность». Условием успешного осуществления модернизации Я.Г. Шемякин считает завершение процесса культурного синтеза.

В целом работа, проделанная авторами монографии, представляется полезной и во многом плодотворной. Нетривиальность, новизна авторского подхода в значительной степени компенсируют имеющий иногда место недостаток фактического материала, схематизм и слабую аргументированность некоторых выводов. Ряд положений могут послужить предметом дискуссий и основой для дальнейших исследований «цивилизационной основы» конкретных этносов и этнополитических общностей. В этом плане монография должна вызвать интерес широких кругов обществоведов, и прежде всего этнологов.

Примечания

¹ Гончарова Т.В., Стеценко А.К., Шемякин Я.Г. Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. II. М., 1995. С. 12.

² Грибанов П.В. Креолизация и межэтническая интеграция в полиэтничных странах Карибского региона // Этнографическое обозрение. 1995. № 6.

³ Дридзо А.Д. Тринидад и Тобаго // Этнические процессы в странах Карибского моря. М., 1982; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л., 1978; Грибанов П.В. Этносоциальные процессы в Гайане и Белизе. М., 1993.

П.В. Грибанов

© 1997 г., ЭО, № 4

Seppo Lallukka. Komipermajakit-perämaan kansa. Syrjäytyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros. Helsinki, 1995. 198 s.

Рецензируемый труд издан на финском языке, в переводе на русский его название – «Коми-пермяки – народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом». Следует напомнить, что «окраинная земля» – (perämaa) означает в финском языке также историческое название восточноевропейских земель, откуда, по мнению многих историков языка, произошел и древний этноним коми Пермь, а позже – и географическое наименование.

Рассматриваемое нами исследование имеет свою предысторию.

В 1990 г. в Хельсинки была издана фундаментальная монография, посвященная восточнофинским народам России (The East Finnic Minorities in Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends). Ее автор – финский исследователь, сотрудник Института России и Восточной Европы, доктор социологии Сеппо Лаллука. Монография получила высокую оценку в Финляндии, весьма хвалебная рецензия на эту работу была опубликована и на страницах «Этнографического обозрения». Однако там не было отмечено, что, во-первых, источниковая база работы была в основном ограничена публикациями отечественных исследователей и материалами переписей населения, а во-вторых, из поля зрения ученого совершенно выпал целый народ – коми-пермяки. Эти недостатки работы определили и ее сильный демографический уклон, и несколько поверхностный характер некоторых суждений. Впрочем, для самого автора эти недостатки были очевидны; объяснялись они отсутствием возможности для западных ученых вести полноценную полевую исследовательскую работу в бывшем Советском Союзе. Был еще один существенный факт, который не позволил не только финскому исследователю, но и отечественным ученым, занимавшимся суммированием региональных исследований, использовать данные о современном состоянии коми-пермяцкого этноса: в течение десятилетий систематическое этнографическое изучение коми-пермяков не проводилось. Лишь в начале 1990-х годов сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН была разработана программа изучения коми-пермяков, предусматривавшая проведение массового опроса населения в Коми-Пермяцком округе, полевые исследования и сбор информации о коми-пермяцкой диаспоре (руководитель проекта Ю.П. Шабает). Согласно договоренности с руководством Института России и